

ДМИТРИЙ
МЕРЕЖКОВСКИЙ

ЛИЦА.
ЛЮТЕР

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский Д.

М52 Лица. Лютер / Д. Мережковский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 260 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-73112-6

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Дмитрия Мережковского «Лица. Лютер».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-73112-6

© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

I . ЛЮТЕР И МЫ	5
II. ЖИЗНЬ ЛЮТЕРА	54

I. ЛЮТЕР И МЫ

I

Что такое Церковь? И что такое Личность? Что такое Христос?

Этого люди наших дней, в огромном большинстве, не знают; может быть, и знали когда-то, но теперь уже забыли, не могут или не хотят вспомнить; и дать им это почувствовать почти так же трудно, как слепорожденному, что такое свет, и глухорожденному, что такое звук. Люди вообще с трудом понимают ненужное для них, или то, что им кажется таким. Самое ненужное для человека наших дней, и потому самое непонятное, в этих трех звеньях крепко спаянной цепи, где среднее звено: что такое Личность? соединяет два крайних: «Что такое Церковь?» и «Что такое Христос?»

*Личность будь для человека
Высшим благом на земле, —
Höchstes Glück der Erdenkinder
Sei nur die Persönlichkeit —*

учит Гёте, один из последних пророков Личности, но и один из первых от нее отступников, делающих роковую для человеческой личности попытку оторвать ее от того единственно живого корня, на котором она растет и которым питается, — от Личности Божественной — Христа. Гёте хочет вынуть среднее звено из той

тройной цепи — Христос — Личность — Церковь; но не вынет, потому что слишком крепко спаяна цепь.

«Всякую попытку выставять на вид то орудие муки с пригвожденным к нему Страдальцем, от Которого и солнце отвратило лицо свое, мы считаем кощунством, — говорит Вильгельм Мейстер, Великий Мастер Каменщиков, в котором трудно не узнать самого Гёте.

— Нет, мы не шутим с этой божественной тайной страдания... и не делаем его орудие (Крест) украшением, боясь низвести то, перед чем мы благоговеем, на уровень низкого и пошлого». Очень замечательно заглавие этой 2-й книги Вильгельма Мейстера «Die Entsagenden», Отрекающиеся, т. е. предсказанное Данте «великое от Христа отступление, отречение, *il gran rifiuto*».

Тише, неслышнее, незримее и окончательней нельзя было сделать того, что делает здесь или пытается сделать Гёте, — снять с человечества Крест. Но дело это труднее, чем думает Гёте. Ветвь человеческой личности, отсеченная от лозы своей — Личности Божественной — Христа, — не может уцелеть.

Я есмь лоза, а вы — ветви; кто пребывает во Мне, и Я — в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не может делать ничего. Кто не будет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают (Иоанн, 15:5, 6).

Кажется, бескрестным человечеством, каким его хотел увидеть Гёте, а мы уже почти видели, и загорается сейчас этот огонь, сжигающий сухие ветви, пустые личины, без человеческих лиц.

«Делать без Меня не можете ничего», — ни делать, ни даже быть. Вот что Гёте забыл, когда, вынудив из-под человеческой личности единственную опору бытия — Личность Божественную, — думал, что можно все-таки сказать человеческой личности: «Будь».

*Никаких потерь не бойся —
Только будь самим собой.
Alles könne man verlieren,
Wenn man bleibe, was man ist.*

Но этого-то мы и не хотим, если «мы» значит «люди наших дней», в том огромном большинстве, которым сегодня решаются или завтра будут решаться судьбы мира. Быть не самими собой — личными, единственными, а бесчисленными, безличными, — вот чего мы хотим, потому что мера личности — качество, а наша мера — количество. Свойство личности — неповторимость, единственность, а наше свойство — повторения бесконечные. Главная воля наша — быть похожими на всех больше, чем муравей похож на муравья или один древесный лист на другой, быть похожими, как одна водяная капля похожа на другую. Воля наша — быть не целыми, а частью, не единицей, а дробью; сначала органической клеткой огромного государства, народа, племени, а потом механическими атомами той мертвой глыбы вещества, которой нам кажется мир.

Как сильна в наши дни эта воля к безличности, видно из того, что на обоих полюсах нашей государственности — в коммунизме и фашизме — в самовластии всех

над одним и самовластию одного надо всеми, — воля эта господствует одинаково. Противоположнейшие идеиности во всем — фашизм и коммунизм — сходятся только в одном — в воле к безличности. Левая рука, может быть, не знает, что делает правая: та разрушает, эта создает; но обе все-таки делают одно и то же дело: борются с Личностью как с исконным врагом своим; подавляют ее как ненужную для себя или вредную силу.

Хуже всего то, что эта борьба — вслепую: как бы два человека, в темноте, схватили друг друга за горло и душат, и режут друг друга, не зная, кто кого и за что; хуже всего то, что эта борьба происходит на такой неисследимой глубине воли и так бессознательно, что борющихся нельзя остеречь, показать им, что они делают и на какую верную гибель идут.

Страшно то, что человек может, сохраняя внешнее лицо, человеческое, потерять лицо внутреннее; все еще казаться, но уже не быть человеком. Еще страшнее то, что, сохраняя и даже как бы умножая внутренние силы человеческого духа, будучи на высоте того, что люди наших дней называют «культурой», «цивилизацией», творя чудеса искусств и наук, человек может иметь внутреннее лицо звериное или насекомообразное, или даже никакого лица не иметь, а носить только пустую личину вместо лица. Но самое страшное — то, что эти человекообразные, овладевая людьми и делая их подобными себе, могут не только мучить их и истреблять, но и делать счастливейшими, так что ад, в котором они живут, им кажется раем.

Если быть личностью — значит быть человеком, то конец личности есть и конец человечества. Судя по тому, как в наши дни бесконечно растущая воля к безличности проникает, подобно тончайшему и сильнейшему яду, во все живые ткани человечества, гибель его неизбежна, если все и дальше пойдет, как сейчас. Может ли человечество спастись? Верующие знают, что могут, потому что недаром на земле был Спаситель; знают и то, что человечество может спастись не на чужбине, а только на родине Личности — не в Государстве, а в Церкви.

Государство, в лучшем случае, личности не видит, а в худшем — казнит. Церковь ставит Личность во главу угла, потому что сам Основатель Церкви есть первое и последнее, никогда не превзойденное и непревосходимое явление божественно-человеческой Личности. Сделаться личностью — сказать, один во всей безличной природе, «Я есмь» — человек мог только потому, что это говорит Сын Человеческий — Сын Божий:

*Когда вознесете на крест Сына Человеческого,
тогда узнаете, что это Я — Ego eimi
(Иоанн, 8:28).*

Высшее в Государстве — закон, т. е., в последнем счете, насилие над личностью. Высшее в Церкви — любовь, т. е., в последнем счете, воскрешающее освобождение личности. Государство приносит человека в жертву себе; в Церкви приносит в жертву Себя за человека Тот, Кого весь мир не стоит.

Но если так, то почему же люди уходят из Церкви? В Государство, от матери к той древней Волчице, что вскормила молоком своим двух первых Близнецов-Подкидышей, из которых один воздвиг на братниной крови величайшее из всех государств — будущего соперника Церкви — Рим? Может быть, люди, уходящие из церкви, не так виноваты, как это кажется тем, кто в ней остается. Есть ли такое глупое дитя, которое могло бы не знать, что для него лучше — греться у груди Матери, кормясь ее молоком, или мерзнуть голому на голой земле и ждать, не придет ли наконец Волчица? Но если и покормит, то все-таки тотчас младенец будет окровавлен слишком острым и жестким, точно железным, со-сцом. И с каким жутким, тошным привкусом будет после молока материнского — волчье!

Нет, кажется, для того, чтобы люди могли уйти из Церкви в Государство так, как сейчас уходят, — что-то должно было произойти в самой Церкви. Что же именно? Вот вопрос, на который, может быть, еще не ответил, но который поставил Лютер всей своей жизнью и всем учением своим, так, как если бы он жил и учил, погибал и спасался, вместе с нами.

Как сочетается в той трехчленной цепи — Христос — Личность — Церковь — среднее звено с двумя крайними, — Лютер знает, как никто; это и мы могли бы от него узнать. И если нет для нас нигде спасения, кроме Церкви, а к ней нет иного пути, кроме Личности, то и спастись мог бы помочь нам Лютер, как никто.